

Константин Вагинов

**Опыты соединения слов
посредством ритма (сборник)**

Константин Константинович Вагинов

Опыты соединения слов

посредством ритма (сборник)

Аннотация

«Под гром войны тот гробный тать
Свершает путь поспешный,
По хриплым плитам тело волоча.
Легка ладья. Дома уже пылают.
Перетащил. Вернулся и потух...»

Содержание

«Под гром войны тот гробный тать...»	4
«Вблизи от войн, в своих сквозных хоромах...»	6
«И лирник спит в проснувшемся приморье...»	7
«Как хорошо под кипарисами любви...»	8
Психея	9
«О, сделай статуей звенящей...»	10
«Из женовидных слов змеей струятся строки...»	11
«В одежде из старинных слов...»	12
«Поэзия есть дар в темнице ночи струнной...»	13
Отшельники	14
«Одно неровное мгновенье...»	18
«Под чудотворным, нежным звоном...»	19
«Не тщишь, художник, к совершенству...»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Константин Вагинов

Опыты соединения слов посредством ритма

«Под гром войны тот гробный тать...»

Под гром войны тот гробный тать
Свершает путь поспешный,
По хриплым плитам тело волоча.
Легка ладья. Дома уже пылают.
Перетащил. Вернулся и потух.

Теперь одно: о, голос соловьиный!

Перенеслось:

«Любимый мой, прощай».

Один на площади среди дворцов змеистых
Остановился он – безмысленная мгла.
Его же голос, сидя в пышном доме,
Кивал ему, и пел, и рвался сквозь окно.
И видел он горящие волокна,
И целовал летящие уста,
Полуживой, кричащий от боязни
Соединиться вновь – хоть тлен и пустота.

Над аркою коням Берлин двухбортный снится,
Полки примерные на рысых лошадях,
Дремотною зарей разверчены собаки,
И очертанье гор бледнеет на луне.
И слышит он, как за стеной глубокой
Отъединенный голос говорит:
 «Ты вновь взбежал в червонные чертоги,
 Ты вновь вошел в веселый лабиринт».
И стол накрыт, пирует голос с другом,
Глядят они в безбрежное вино.
А за стеклом, покрытым тусклой вьюгой,
Две головы развернуты на бой.

Ноябрь 1923

«Вблизи от войн, в своих сквозных хоромах...»

Вблизи от войн, в своих сквозных хоромах
Среди домов, обвисших на полях,
Развертывая губы, простонала
Возлюбленная другу своему:
«Мне жутко, нет ветров веселых,
Нет парков тех, что помнили весну,
Обоих нас, блуждавших между кленов,
Рассеянно смотревших на зарю.
О, вспомни ночь. Сквозь тучи воды рвались,
Под темным небом не было земли,
И ты восстал в своем безумье тесном
И в дождь завыл о буре и любви.
Я разлила в тяжелые стаканы
Спокойный вой о войнах и волках,
И до утра под ветром пировала,
Настраивая струны на уа.
И видел дома ты, подстриженные купы,
Прощальный голос матери твоей,
Со мной, безбрежный, ты скитался»
«И тек, и падал, вскакивал, пенясь».

Ноябрь 1923

«И лирник спит в проснувшемся приморье...»

И лирник спит в проснувшемся приморье,
Но тело легкое стремится по струнам
В росистый дом, без крыши и без пола,
Где с другом нежным юность проводил.
И голос вдруг во мраморах рыдает:
 «О, друг, меня побереги.
 Своим дыханием расчетным
 Мое дыханье не лови».

Январь 1924

«Как хорошо под кипарисами любви...»

Как хорошо под кипарисами любви
На мнимом острове, в дремотной тишине
Стоять и ждать подруги пробужденье,
Пока зарей холмы окружены.
Так возросло забвенье. Без тревоги,
Ясней луны, сижу на камне я.
За мной жена, свои простерши косы,
Под кипарисы память повела.

Январь 1924

Психея

Спит брачный пир в просторном мертвом граде,
И узкое лицо целует Филострат.
За ней весна свои цветы колышет,
За ним заря, растущая заря.
И снится им обоим, что приплыли
Хоть на плотях сквозь бурю и войну,
На ложе брачное под сению густою,
В спокойный дом на берегах Невы.

Январь 1924

«О, сделай статуей звенящей...»

О, сделай статуей звенящей
Мою оболочку,
Чтоб после отверстого плена
Стояла и пела она
О жизни своей ненаглядной,
О чудной подруге своей,
Под сенью смарагдовой ночи,
У врат Вавилонской стены.
Для вставшего в чреве могилы
Спокойная жизнь не страшна,
Он будет, конечно, влюбляться
В домовье, в жену у огня.
И ложным покажется ухо,
И скипетронощный прибор,
И золото черного шелка
Лохмотий его городов.

Апрель 1924

«Из женовидных слов змеей струятся строки...»

Из женовидных слов змеей струятся строки,
Как ведьм распахнутый кричащий хоровод,
Но ты храни державное спокойство,
Зарею венчанный и миртами в ночи.
И медленно, под тембр гитары темной,
Ты подбирай слова, и приручай и пой,
Но не лишай ни глаз, ни рук, ни ног зловещих,
Чтоб каждое несло, но за руки держась.
И я вошел в слова, и вот кружусь я с ними,
Танцую в такт над дикой крутизной,
Внизу дома окружены зарею,
И милая жена, как темное стекло.

Апрель 1924

«В одежде из старинных слов...»

В одежде из старинных слов
На фоне мраморного хора
Свой острый лик я погрузил в партер,
Но лилия явилась мне из хора.
В ее глазах дрожала глубина
И стук сиял домашнего вязанья.
А на горе фонтана красный блеск
Заученное масок гоготанье.
И жизнь предстала садом мне,
Увы, не пышным польским садом.
И выступаю из колонн
Моих ночей мрачноречивых.
Но как мне жить средь людных очагов,
В плаще трагическом героя,
С привычкою все отступать назад
На два шага, с откинутой спиною.

Август 1924

«Поэзия есть дар в темнице ночи струнной...»

Поэзия есть дар в темнице ночи струнной,
Пылающий, неожиданный и глухой.
Природа мудрая всего меня лишила,
Таланты шумные, как серебро взяла.
И я, из башни свесившись в пустыню,
Припоминаю лестницу в цвету,
По ней взбирался я со скрипкой многотрудной
Чтоб волнами и миром управлять.
Так в юности стремился я к безумью,
Загнал в глухую темь познание мое,
Чтобы цветок поэзии прекрасной
Питался им, как почвою родной.

Сент. 1924

Отшельники

Отшельники, тристаны и поэты,
Пылающие силой вещества –
Три разных рукава в снующих дебрях мира,
Прикованных к ластящемуся дну.
Среди людей я плыл по морю жизни,
Держа в цепях кричащую тоску,
Хотел забыться я у ног любви жемчужной,
Сидел, смеясь, на днище корабля.
Но день за днем сгущалось оперенье
Крылатых туч над головой тройной,
Зеленых крон все тише шелестенье,
Среди пустынь вдруг очутился я.
И слышу песнь во тьме руин высоких,
В рядах колонн без лавра и плюща:
«Пустынна жизнь среди Пальмир несчастных,
Где молодость, как виноград, цвела
В руках умелых садовода
Без лиц.
В его садах необозримых,
Неутолимы и ясны,
Выходят из развалин пары
И вспыхивают на порогах мглы.
И только столп стоит в пустыне,
В тяжелом пурпуре зари,

И бородой Эрот играет,
Копытцами переступает
На барельефе у земли».

Не растворяй в сырую ночь, Геката, –
Среди пустынь, пустую жизнь влачу,
Как изваяния, слова сидят со мною
Желанней пиршества и тише голубей.
И выступает город многолюдный,
И рынок спит в объятьях тишины
Средь антикваров желчных говорю я:
«Пустынных форм томительно ищу».

Смолкает песнь, Тристан рыдает
В расщелине у драгоценных плит:
«О, для того-ль Изольды сердце
Лежало на моей груди,
Чтобы она, как Филомела,
Взлетела в капище любви,
Чтобы она прекрасной птицей
Кричала на ночных берегах...»

Пересекает голос лысый
Из кельи над рекой пустой:

«Не вождеделел красот я мира,
Мой кабинет был остеклен,
За ними книги в пасти черной,
За книгами – сырая мгла.
Но все же я искал названий
И пустоту обогащал,
Наследник темный схимы темной,
Сухой и бледный, как монах.

С супругой нежной в жар вечерний

Я не спускался в сад любви...»

Но, выступает столп в пустыне

Шаги из келии ушли.

И в переходах отдаленных,

На разрисованных цветах,

Пространство музыкой светилось,

Как-будто солнцем озарилась

Невидимой, но осязаемой речь:

«Когда из волн я восходила

На Итальянские поля –

Но здесь неожиданно я нашла

Остаток сына в прежнем зале.

Он красен был и молчалив,

Когда его я поднимала,

И ни кудрей, и ни чела,

Но все же крылышки дрожали».

И появившись вдалеке,

В плаще багровом, в ризе синей,

Седые космы распустив,

Она исчезла над пустыней.

И смолкло все. Как лепка рук умелых,

Тристан в расщелине лежит,

Отшельник дремлет в келье книжной,

Поэт кричит, окаменев.

Зеленых крон все громче шелестенье.

На улице у растопыренных громад

Очнулся я. Проходит час весенний,

Свершенный день раскрылся у ворот.

Май – сент. 1924

«Одно неровное мгновенье...»

Одно неровное мгновенье
Под ровным оком бытия
Свершаю путь я по пустыне,
Где искушает скорбь меня.
В шатрах скользящих свет не гаснет,
И от зари и до зари
Венчаюсь скорбью, и прощаюсь,
И вновь венчаюсь до зари.
Как-будто скорбь владеет мною,
Махнет платком – и я у ног,
И чувствую: за поцелуй единый
Я первородством пренебрег.

Сент. 1924

«Под чудотворным, нежным звоном...»

Под чудотворным, нежным звоном
Игральных слов стою опять.
Полудремотное существование –
Вот, что осталось от меня.
Так сумасшедший собирает,
Осколки, камешки, сучки,
Переменясь, располагает
И слушает остатки чувств.
И каждый камешек напоминает
Ему – то тихий говор хат,
То громкие палаты дождей,
Быть может, первую любовь
Среди петербургских улиц шумных
Когда вдруг вымирал проспект,
И он с подругой многогульной
Который раз свой совершал пробег,
Обеспокоен смутным страхом,
Рассветом, детством и луной.
Но снова ночь благоухает,
Янтарным дымом полон Крым,
Фонтаны бьют и музыка пылает,
И nereиды легкие резвятся перед ним.

Октябрь 1924

«Не тщиьсь, художник, к совершенству...»

Не тщиьсь, художник, к совершенству,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.